

к явным соблазнам клонящегося издаваемо не было» (там же, стр. VII). Что же выбросил из рукописной повести издатель, руководствуясь этими правилами? Он исключил не только все цитаты из св. писания, но даже и все места, слишком ясно говорящие о церковных сюжетах: упоминания о даре пророчества у лисицы, обещание, что кур после покаяния окажется «со святыми в небе»; рассказ лисы о том, как она молилась богу за куровы грехи; обещание не связать его «никакою епитимиею», молитву кура, хотя и не церковными словами выраженную, когда он узнал об имени своей исповедницы; ответ лисы на эти молитвы; ее рассказ о своей благочестивой жизни, проходящей в посте и молитвах; просьбу кура принести «потрахель, ризы и свечи»; указание на то, что куры живут у лисицы «в епитимьях»; что они «спребывают по бозе в воздержании мнозе»; угрозу куру — «достойн ты и с телом во ад снити»; слова лисицы «я вить, курушка, не поп, а не исповедает тя так и протопоп», даже вместо слов «бога боялся» в Старичке-Весельчаке читаем — «правды боялся». Только один раз — в форме общего суждения без прямого применения его к героям повести, — сохранилось благочестивое размышление лисицы: «погубит господь глаголющих неправду конечно и вринет во ад вечно».

В порядке такой чистки рукописной повести из нее были изгнаны и те немногие остатки старой сатиры XVII в., которые все-таки еще смутно напоминают о первоначальном замысле в рукописной стихотворной повести. Для печатного издания «смехотворное» применение текстов из св. писания и вообще смелое и фамильярное обращение с церковными предметами, которое так характерно для рукописной литературы XVII и XVIII вв., оказалось совершенно неприемлемым. Это и вполне естественно, так как цензурные требования устанавливались командующей верхушкой, для которой в XVIII в., как и в XVII в., церковь и все связанное с ней было органическим элементом государственного порядка и вытекающей из него идеологии.

От той же стихотворной рукописной версии повести о кура и лисице, от которой идет печатный текст Старичка-Весельчака, но совершенно независимо от него, пошли лубочные издания, дающие повесть далеко не полностью, а лишь в виде небольших надписей к картинкам, иллюстрирующим отдельные моменты рассказа — таких отрывков взято 6.¹ В этих надписях, как и в тексте Старичка-Весельчака, исключены все церковные мотивы, конечно, по тем же основаниям, хотя и много раньше, чем в последнем.

¹ Д. Ровинский. Русские народные картинки, т. I, СПб., 1881, стр. 272—274.